



Как маленькая девочка,  
все пыталась найти себе  
место, куда бы не вела  
ни одна улица\*.

Тони Моррисон, «Любовь»

«Что бы ни исчезло, наши  
воспоминания о помидорах  
и хижинах под дождем  
не потускнеют».

Д. В.

---

\* Пер. О. А. Алякринского



# 1

Секунда, и Сван Купер чувствует, что он могущественнее, чем даже июньское убийственное солнце. Он выкидывает руку с револьвером вперед и выпускает две пули, они ложатся рядом с Алмазом. Грохот разносится по равнине над колосящимися полями и дикими маками. Будь он мечтателем, как его мать, он бы замер на миг, созерцая странную красоту кадра в сепии: лучи заходящего солнца освещают сквозь ветки плакучих ив неподвижную фигуру Алмаза, похожую на болотное пресмыкающееся среди водорослей и грязи. Но Сван Купер — пощечина этому миру, сжатый кулак, как его отец, и он не прогуливается по извилинам сердца. Слишком много там расщелин.

Дуглас схож со своим другом детства. Кости ждут ударов, кожа — вспухших ссадин, синяков и кровоподтеков в мраморных прожилках. Дуглас чувствует, как разогревается механизм, как шестерни боли привычно натягивают нервы. С этой минуты из него вырваны все, даже самые незначительные мысли. Тело теперь — лишь система

органов и напряженных жил. Дуглас тушит сигарету двумя пальцами и сует ее за ухо. Он ждет момента, когда пустит в ход костяшки, привычно и нетерпеливо поигрывая серебряной зажигалкой. Он ничего не делает без знака лучшего друга.

Сван Купер вытирает вспотевшую шею, по-прежнему держа пистолет в руке. Он хотел бы навечно врастить его себе в ладонь, так упивается этим чувством: повелевать вселенной; он живет самой жизнью. Сван клянется, что с этой минуты будет питаться страхом других. Будет черпать мощь в мякоти врагов. А когда городского отребья ему станет мало, отправится на поиски. Его горечь пересечет моря. Уничтожит все, до самого края света. Нет ничего проще ненависти: ненавидеть самому, вызывать ненависть других. Прощайте, мечты о поварском деле, о ресторанах с мишленовской звездой. Его отец был прав, хоть Свану трудно это признать, даже про себя. Когда скроен для битв, ничто не сравнится с пулей — квинтэссенцией власти. Уйти солдатом, вернуться героем — вот его будущее.

Сван прячет отцовский ствол в задний карман джинсов, но страх Алмаза снова пробуждает в нем хищную дрожь. Свану хочется раздавить его. Но ему хватило бы и мольбы на коленях, или — еще лучше — слез. Представив влагу на щеках жертвы, он расстегивает ширинку и мочится на рюкзак врага, брошенный на краю канавы. Дуглас хохочет и присоединяется к надругательству.

Спрятавшись за дубом, Тарек и Милли следят за всем с отвращением. Шестнадцатилетний Тарек представляет, как Алмаз достает чистыми руками мокрые вещи, объясняет дома, почему все воняет мочой и водорослями. Невообразимый стыд. От одной только мысли жить не хочется.

Но Милли не собирается жалеть старшего брата.

— Зачем быть умным, если позволяешь обращаться с собой как с собакой? — шепчет она сквозь зубы.

Тареку слишком страшно, и он молчит. Но он видит, что взгляд его двоюродной сестренки на Свана Купера сродни приношению кумиру. И тот, стоя гордо и твердо на скользких камнях, годится на эту роль. Милли не раз видела его победоносно белую рубаху на улицах Бёрдтауна. Однако взгляд ее всегда задерживался на Дугласе Адамсе, пришитом к боку Свана парне из костей и сигаретного дыма. Он напоминал ей ведьму Хоне из любимой манги Алмаза; истории о мрачной мстительнице, которая топит врагов в клубах тумана, кишящих ненасытными скелетами. Но сегодня дымный туман вокруг Дугласа не такой плотный, и Милли остро чувствует присутствие Свана Купера.

У Свана лицо отличника, но в глазах дрожит опасный блеск, а тело под стать гладиатору. В нем столько исполинского, непокорного, что Милли вдруг хочется влезть в его кожу, как в доспех. Сван — пейзаж с буграми и ложбинами из мышц и позолоченной деспотичным небом плоти.

— Уж не реветь ли ты надумал? — бросает Сван, застегивая ширинку.

От этого металлического звука, от фанфар похабной победы, Милли невольно отстраняется от Тарека и выходит из укрытия. Одна.

— Ты спятила? Нас заметят, — шепчет, теряя от страха голову, двоюродный брат.

Может, Милли и правда сходит с ума. Честно говоря, она не знает, куда несут ее ноги. Сила проснулась в ней. Гнев решает за нее, а гнев не идет на попятную. Перчинка упрямо идет вперед на тощих и дрожащих девчоночьих ногах.

— Назад! Ну же! Ты все равно ничего не сможешь сделать, — увещевает Тарек.

«Ты ничего не сможешь сделать» — удар сильнее выходки Свана Купера и его приспешника. Потому что у этой фразы есть продолжение: «Ты ничего не сможешь сделать так же, как Алмаз». Ты не такая одаренная. Не такая вежливая. Не такая... Хватит с нее отрицаний, сравнений. Хватит значить меньше брата. Она оборачивается, проперченная злостью, и пригвождает Тарека самоуверенным взглядом.

— Могу! Я могу все! — выкрикивает она так, чтобы слышала вся планета.

Услышав хрипловатый голос сестры, Алмаз вскакивает на ноги, но замирает. Пускай ему тоже девятнадцать, против Свана Купера он не тянет. Однако Млика — бесстрашная, непредсказуемая. Все

может плохо кончиться, тем более что противник вооружен.

Алмаз карабкается вверх по болотистому склону. Ни в какую! Острые края ракушек, притаившихся в грязи, режут пальцы. Кеды скользят. Кажется, что земля на вражеской стороне. Она отбрасывает каждое его движение в тщетной борьбе за остатки достоинства. Природа — не его стихия. Он это знает. Он не такой, как сестра. Ему не забраться в два счета по топкому склону канавы. Руки у Млики — цепкие лапы, ноги — палки, она своя в самой непроходимой чаще. В ней течет не кровь, а древесный сок. В его же венах — только кровь и страх. Алмаз дрожит, вырывает пучками траву, ища опоры. Представляет грязь под ногтями, черную отвратительную каемку, и ему мерзко от собственного поражения. «Я посмешище». Но Алмаз не сдается. Он отгоняет кружащихся вокруг него насекомых, несколько раз чуть не падает навзничь. Дуглас ухахатывается, глядя, до чего же он неуклюжий.

Милли плевать на костлявую ведьму, на братьев, родного и двоюродного. Гнев пожрал их. Он поглотил все, кроме Свана Купера. От его спокойного раскатистого смеха хочется кусать до крови. Сван стоит к ней спиной и аплодирует, любясь зрелищем. Это уж слишком. Милли срывается не думая. Она бежит, будто Дуглас с братом гонятся за ней по пятам. И со звериным воем вдруг прыгает. Ноги отрываются от земли, тело со всей силы врезается



в Свана Купера, и оба они летят вниз на мокрые, острые камни. Под Милли раздаётся хруст, она откатывается в сторону, замочив бок в илистом ручье. Но вот она уже на ногах, готовая ко всему.

Она смотрит на Свана, плашмя лежащего на гальке. Его розовеющий крепкий затылок похож на выкинутую на берег мертвую форель. Ноги расслаблены. Этот мирно лежащий доспех чужд пейзажу.

Тарек подходит к Алмазу и Дугласу, к грязной кромке канавы. Он мертв? — думают они про себя, но пока не готовы услышать ответ. Потому что никто из них еще не переживал такого кристально ясного мига, в такой чистейшей тишине, — похожего на то, каким они представляют конец, и все, что за ним. Призрачное «не-здесь». Мир как будто замер на кромке вопросительного знака. Время остановилось. Кресла-качалки не скрипят на верандах далеких утомленных домов. Смолк вой бродячих собак. Птичий писк. Даже простыни на веревках не зашуршат под жарким ветром. Правое запястье исполина так странно вывернуто, что тревожно, почему он не кричит от боли. Кровь на камне явно вытекла из него. Тишина длится, электризуется. Дуглас стряхивает чары и достает нож. Сталь лезвия дрожит. Вот она, кожа. Рука тянется.

Вдруг Сван Купер кашляет, потом хрипит. Шатаясь, он сперва поднимается на четвереньки, а затем умудряется сесть, держась онемевшими руками за голову. Пейзаж оживает. Природа выдохнула.

Дуглас в один прыжок оказывается рядом с другом. Тот что-то говорит, возможно, рычит. Милли трудно сказать. Она слышит лишь, как лихорадочно бьется в горле ее растопыренное сердце. Адреналин всюду — в ней, вокруг. Она впервые в жизни осознает могущество своего тела, и это чудо. Она маленькая, худая, но ее инстинкты — целый лес. В ней раскинулись вековые деревья, вышли на охоту победоносные волки. Нужен лишь порыв. Подняв кулаки, Милли стоит и ждет ответного удара. Она готова к бою.

Однако враг сидит в замешательстве. Он удивлен, что нападавшим оказалась девчужка с мягким лицом, со щеками, как будто из ваты. Сван не смог бы объяснить, почему, несмотря на боль, проникающую всюду, вплоть до мочек ушей, в воздухе разлито что-то елейное. Он забывает про пистолет, который выпал у него из кармана и лежит невдалеке за камнями.

Вдруг, освобожденный от всего, Сван Купер улыбается девочке. Теплой полуулыбкой — такой деликатес он преподносит обычно одной лишь матери, в те дни, когда ей особенно плохо.

Мать... он не будет думать о ней. Он похоронит эти мысли под револьверными выстрелами, открытыми ранами.

— Ты мне руку сломала, — сообщает Сван медленно, из-за саднящей челюсти.

И сплевывает натекшую в рот кровь.

— И нос, — прибавляет Милли не думая.

Сван Купер смеется. Переливами, похожими на припев, который хочется подхватить. Несмотря на страх и горечь, Милли упивается этим деликатесом: держащимся за руки смехом.

Она ослабляет бдительность.

Дуглас подходит к ней. Он не понимает их дружеской беседы. С такими людьми не говорят: их опускают, толкают, запугивают, показывают, что им здесь не место. Это основа основ, извечная. «Иначе заржавеешь» — как сказал бы ему брат. И вот он держит перед собой нож, готовый ударить Милли, но Сван Купер вдруг поднимает здоровую безоружную руку. Дуглас замирает: приказ главного.

Сван Купер показывает пальцем на Алмаза с Тарексом, привычно оцепеневших.

— Братья, родной и двоюродный, — отвечает Милли, избавляя его от вопроса.

Сван кивает, потом долго разглядывает необычное явление: ноги в больших резиновых сапогах; расцарапанные коленки; полосатые шорты едва выглядывают из-под длинной футболки в катышках, с гербом Бёрдтаунского лица — как видно, наследство от брата; потом — шея не толще березовой ветки; густые прямые волосы неистойвой черноты, коротко и криво остриженные, совсем как и у тех двоих трусов; и картонная корона на голове.

Странное маленькое существо лет двенадцати.

Все это время Милли старается скрыть свое счастье. Никто никогда не смотрел на нее так, будто

она — целый неведомый мир. До этого парня-доспеха она была дочерью и сестрой. И даже если хотела быть целым миром, все равно застревала в рамке привычного взгляда родных. Но скоро привычные глаза, смотревшие на нее с самого детства, увидят, на что она способна. Да, она может быть всем; ирисом и баобабом; ниндзей; великим открытием; золотом и королевой; барабанщицей и кумиром; театром теней; шелком и бумагой; львом и приключением. Милли станет тысячей сокровищ. И будет изобретать себя бесконечно. Но чтобы не растерять проснувшиеся в ней благодаря Свану возможности, она накрывает их крышкой и молчит. «Бесконечность, она моя».

Сван Купер улыбается шире, видя, как порозовели у девчушки скулы. Ему нравится ее бархатистая кожа цвета корицы. На минуту он исчезает в ее карих глазах, лукавых и мягких, с каймой густых черных ресниц, как у его матери. У его матери. Черт, он же поклялся не думать о ней сегодня! О ее усталости, бледности, о поездках в больницу и назад. Но он уже видит ее под одеялами, как она дрожит от холода на раскаленной веранде. Только кровь, много крови, зальет эти белесые мысли. Сван кроет матом ясное небо, он вернулся к войне, подальше от стоящего перед ним явления. Дуглас присел рядом и осматривает сломанную руку.

— К врачу надо.

— Боль — в голове, — отвечает Сван Купер словами отца.

Сван пытается пошевелить пальцами, чтобы отогнать скомканные воспоминания. Катетер под желтоватой кожей. Таз у кровати. Он все гонит вон. Сосредотачивается на боли, колющей его нервы. Идет за ней до самого ее центра, где нет уже ни имен, ни лиц. Только тело, его собственное, разверстое. Но каждое движение цепляет за собой другие. Снова врывается мать. Ватными пальцами она борется с застежкой на джинсах. И рыдает всерьез, по-черному: «Докатилась. Сама одеться не могу. Добейте меня!» Сван Купер вздрагивает, но не сдается горю. Он выискивает слова надежды: одни зацепились за зеленые больничные стены, другие плывут в мерном скрипе кресла-качалки. «Девчонкой я валила лес. Я — топор, — говорит она под грушей в цвету, напрягая бицепсы. — Говорю тебе, я ничего не чувствую. Вот что значит быть вечной».

«Вранье», — бормочет он, шевеля сломанной рукой. Ему нужна битва, и немедленно: дробить череп, чтобы забыть стоны и рвоту, настоящие страдания матери.

— Так вот как у вас, значит: маленькие девочки всю грязную работу делают? Хорошенький расклад! — глумится он, провоцируя.

Он теперь на ногах, и глаза тоже смотрят сверху вниз, с угрозой. Двоюродный брат, скукожившись, тут же прячется за спину Алмаза. Тот бросает на сестру братоубийственный взгляд и сует руки в карманы штанов. Милли знает, что он сжал их в кулаки. Их дед делает точно так же всякий раз,

когда на его фургончике появляется оскорбительная надпись. Сколько их прячется под белыми перекрашенными боками? Сколько «грязных террористов» и «смерть Усаме»? И всегда одно и то же малодушие: счистить краску и забыть, а виновники тем временем смеются во сне. Милли прокликает дни, когда душишь в себе стыд, пытаешься сделать вид, что пятна краски на рукавах тебя веселят. Ей хочется рвать зубами, биться на мечах, но вместо этого — делишь с семьей вздохи и запах растворителя. Пальцы ныряют в перчатки. Новый слой краски ложится на остов их гордости. И все начинается сначала, и кулаки бессильно сжаты. Если б только они могли ударить что-то — скажем, чье-то лицо...

Сван Купер видит, что ошибся. Оба паренька стоят не шевелясь, как воткнутые в землю лопаты. За отсутствием соперника вся его злоба и жажда черепов оборачивается против него. Ведь не станет же он бить девчущку, тем более такую. Он подходит к ней.

— Ты королева чего? — спрашивает он.

Сван касается мятой короны и вдруг вдыхает знакомый запах летней пыли. Запах матери, которая стоит на коленях над растрескавшейся землей грядок и давит ногами клубнику и пауков. Он повторяет вопрос, громче и грубее, с досады на новый отголосок нежности.

Милли колеблется. Ей не нравится приказной тон. И потом, это личное, их с братом.